

**Немирович-Данченко Василий
Иванович**

СОЛОВКИ

**Воспоминания и рассказы из
поездки с богомольцами**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Соловки: Воспоминания и рассказы из поездки с богомольцами / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 365 с.

ISBN 978-5-519-98972-5

ISBN 978-5-519-98972-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВЪ СОЛОВКИ. (Очерки Сѣверо-Двинскаго края).

	Стр.
I. Шенкурскій уѣздъ	1
II. Онежскій уѣздъ	18
III. Холмогорскій уѣздъ	28
IV. Отъ Холмогоръ до Архангельска	56
V. Архангельскъ	81
VI. Поѣздка на лѣсопильные заводы	146
VII. Упраздненная крѣпость	162
VIII. Поѣздка въ Лявлю и подгородныя села	172
XI. Соловецкое подворье	186

СОЛОВКИ. (Воспоминанія и рассказы изъ поѣздки съ богомольцами.

I. Пароходъ „Вѣра“	197
II. Отецъ Іоаннъ—командиръ парохода	200
III. На палубѣ	207
IV. Сибирячка	212
V. Монашекъ-подростокъ	215
VI. Казни египетскія	218
VII. Море	222
VIII. Вятскіе хлѣбопашцы	223
XI. Бродяжка	225
X. Острова	227
XI. Монастырь, Гостинница, Святое озеро	230
XII. Иеромонахъ-огородникъ	233
XIII. Кузница и горы	237
XIV. Монашеская школа	239
XV. Самородки	243
XVI. Кожевня и кирпичный заводъ. Экономическое положеніе монастыря	247

	Стр.
XVII. Каналы, лѣса и дороги	253
XVIII. Отецъ Авраамъ.	257
XIX. Соловецкая тюрьма и ея арестанты	263
XX. Въ трапезной	267
XXI. Поѣздка въ Муксальму. Гигантскій мостъ. Ферма	271
XXII. Доки и лѣсопильный заводъ	276
XXIII. У благочиннаго.	279
XXIV. Могила Авраамія Палицына. Похороны богомольца	283
XXV. Въ больницѣ и у схимниковъ	289
XXVI. Мельница св. Филиппа. Прогулка по стѣнамъ. Въ башнѣ.	293
XXVII. Поѣздка на Сѣкирную гору. Савватьевская пустынь. Сѣ- кирный скитъ. Еще разсказъ объ осадѣ. Видъ съ высоты. У строителя въ кельѣ	298
XXVIII. Еще нѣсколько подробностей	310
XXIX. Кемлянки въ монастырѣ. Чиновники. Отношеніе монаха къ властямъ	319
XXX. Поѣздка въ Макарьевскую пустынь	323
XXXI. Сельдяной ловъ.	327
XXXII. Монастырскій садъ. Ризница. Оружейная	330
XXXIII. Шенкурскій хлѣбопашецъ въ рясѣ	335
XXXIV. Анзеры	337
XXXV. Соловецкій монахъ въ другой обители.	347
XXXVI. Послѣдніе часы въ монастырѣ	349
XXXVII. Въ каютѣ, на палубѣ и дома.	352

ВЪ СОЛОВКИ.

ПУТЬ ПО СѢВЕРО-ДВИНСКОМУ КРАЮ.

ВЪ СОЛОВКИ.

(Путь по Сѣверо-Двинскому краю).

1. Шенкурскій уѣздъ.

Ясный, свѣжій денёкъ охватилъ меня легкимъ холодомъ, когда я изъ малонаселенной и бѣдной Олонецкой губерніи вѣхалъ въ еще болѣе безлюдную, пустынную и скудную Архангельскую. Утренняя заря еще не отгорѣла на востокъ и густой, алый отсвѣтъ ея мягко ложился на волнистую линію сплошнаго сосноваго бора. Вершины его словно плавали въ цѣломъ морѣ розоваго сіянія. Дорога круто спускалась внизъ, въ темную долину, гдѣ еще лежала сырая мгла, клубясь и цѣпляясь, все выше и выше, по вѣтвямъ вѣковыхъ деревьевъ, зелень которыхъ кое-гдѣ подымалась изъ тумана, постоянно измѣнявшими свои формы, островками. Двѣ крайнія противоположности сѣвернаго пейзажа — ясная чистота совершенно розоваго воздуха вверху и мгlistая, волнующая поверхность его внизу — составляли чрезвычайно эффектную картину. Прибавьте къ этому крупные стволы сосенъ по обѣимъ сторонамъ дороги, безлюдье и тишину, характеризующую здѣшніе лѣса, и вы нѣсколько поймете мои впечатлѣнія. Всѣ промежутки между деревьями поросли мягкими подушками зеленого мха, изрѣдка перемежающимися небольшими прогалинами уже по-

желтѣвшей травы. Чѣмъ ниже спускался я, тѣмъ становилось глуше. На днѣ долинки дорога проходила черезъ болото, поросшее острыми и жесткими зелеными. Кое-гдѣ слышался рокоть лѣсныхъ, болотныхъ ручьевъ, быстро сбѣгавшихъ по откосамъ. Ни пѣнія птицъ, ни стрекота кузнечиковъ! Пустыня и глушь давили меня словно желѣзными тисками. Мысль переставала работать, туманъ все гуще и гуще заволакивалъ окружающіе предметы. Глаза невольно смыкались. Въ самомъ низу, тамъ, гдѣ дорога круто сворачиваетъ направо, мнѣ встрѣтилось человѣкъ тридцать странниковъ — богомольцевъ. Бабы шли впереди, за ними тащились большаки и дѣти. Оказалось, что эта партія направлялась изъ Соловокъ по домамъ. Многіе изъ мальчиковъ, въ качествѣ добровольныхъ тружениковъ, выжили въ монастырѣ, по обѣту родителей, цѣлый годъ, съ лѣта до лѣта. Они тамъ работаютъ на монастырскихъ заводахъ и мастерскихъ, за что ихъ кормятъ и одѣваютъ на счетъ обители. Такимъ образомъ, на зиму иногда, какъ говорятъ, скопляется въ обители до пятисотъ даровыхъ рабочихъ. Многіе изъ нихъ, „возлюбивъ пустынное житіе“, остаются въ монастырѣ навсегда и съ радостію принимаютъ ангельскій чинъ, лишая свои семейства необходимыхъ для ихъ благосостоянія рабочихъ рукъ. Благодаря этому порядку, наличный составъ Соловецкаго монастыря не оскудѣваетъ; а сама обитель связывается съ отдаленнѣйшими уголками русскаго сѣвера кровными узами родства.

Богомольцы равнодушно взглянули на меня и прошли дальше. Нѣкоторые попросили подающія. Это были по преимуществу олончане. Типъ такъ и сказывался въ каждой чертѣ ихъ лица. Двое или трое пѣли по дорогѣ стихи духовнаго содержанія, вынесенные изъ монастыря; нѣсколько человѣкъ изъ нихъ, вѣроятно годовавшіе въ Соловкахъ, носили что-то въ родѣ подрясниковъ и скуфеекъ. Скоро странники скрылись и, съ поворотомъ лѣснаго пути, снова потянулась передо мною безлюдная, пустынная окрестность.

Прежде чѣмъ достигнуть цѣли моей поѣздки, Архангель-

ска, этого коммерческаго и административнаго центра дальняго сѣвера, возбуждающаго въ литературѣ столько самыхъ противорѣчивыхъ толковъ, мнѣ пришлось проѣхать часть Пенкурскаго, Онежскаго и Холмогорскаго уѣздовъ. По пути я не велъ дневника, поэтому очеркъ всего этого промежуточнаго скитальчества будетъ и не полонъ, и общъ. Я описываю то немногое, что доступно туристу. Громадныя станціи, инныя по 30 верстъ безъ передышки, рѣдкіе поселки, совершенно особенный типъ и болѣе удобная постройка домовъ, чѣмъ я встрѣчалъ доселѣ, разомъ перенесли меня въ другой міръ. Прежде всего, меня поразилъ складъ здѣшняго крестьянскаго населенія. Передо мной были рослые, крѣпко сложенные, здоровые люди, съ открытыми, умными лицами, высокими лбами, широкою грудью и веселыми, честными, голубыми глазами. Красивыя фізіономіи женщинъ невольно останавливали на себѣ взглядъ. Что это за великолѣпныя груди! Какая здоровая стройность, какія классическія плечи! Жаль только, что дѣвушки, выходя замужъ, быстро тучнѣютъ и тогда уже поражаютъ совершенно противоположными достоинствами. Обиліе мяса и жиру дѣлаетъ ихъ, какъ напр. въ Поморѣ и Колѣ, чудищами весьма замѣчательнаго свойства. Объемъ ихъ приходится уже мѣрять чуть ли не обхватами. Вблизи городовъ типъ этотъ мельчаетъ и обезображивается какою-то пошлою, къ лакейству подходящей полировкой. Крестьянки являются уже въ нелѣпѣйшихъ кринолинахъ, иногда изъ обручей, городскія платья смѣняютъ сарафаны, а цивилизованная сельская молодежь, и въ ясные безоблачные дни, фигурируетъ въ гарусныхъ шарфахъ, калошахъ, съ дождевыми зонтиками въ рукахъ. Задушевные пѣсни, которыя, въ лѣтніе вечера, такъ сладко звучатъ въ тихомъ деревенскомъ захолустіи, смѣняются гнуснѣйшею ерундой чувствительнаго характера, отъ которой такъ и несетъ ароматами городского холопства.

Въ мѣстномъ типѣ осязательно сказался результатъ скрещиванія между различными племенами. Первоначальные поселники этого края—смѣлые новгородскіе промышленники—

ушкуйники, одинаково занимавшіеся торговлей и войной, рыболовствомъ и грабежемъ—перебили аборигеновъ этого края, лопарей, корель и прочія племена финновъ, оставивъ только женщинъ и дѣвушекъ, обращающихся, по обыкновенію того времени, въ теремное рабство. Выраженіе лицъ, встрѣчавшихся мнѣ въ первыхъ же селахъ Архангельской губерніи, дышало смѣлостію и энергіей. Человѣкъ, даже и незнакомый съ исторіей Двинскаго края, по одному этому признаку, сразу сообразилъ-бы, что крѣпостнаго права здѣсь не существовало никогда. Встрѣчающіеся вамъ по пути крестьяне не ломаютъ раболѣпно шалоковъ, а кланяются путнику, какъ божьему гостю, съ сановитою важностію. Вступая съ вами въ разговоръ, они не станутъ пересыпать свою рѣчь „благородіями“, „высокоблагородіями“, а говорятъ просто, сжато и съ достоинствомъ. Назойливости, навязчивости вы не замѣтите вовсе. Тутъ человѣкъ знаетъ себѣ цѣну и привыкъ относиться къ собственной личности съ полнымъ уваженіемъ. Правда, въ нѣкоторыхъ волостяхъ Шенкурскаго уѣзда, существовалъ нѣкогда, въ доброе старое время, стойвшій крѣпостнаго права, удѣлъ, въ предѣлахъ котораго опытное начальство создавало изъ крестьянъ и хозяевъ, и агрономовъ, и скотоводовъ, и лѣсоводовъ, и разными патріархальными способами насаждало въ этой средѣ добродѣтели, нравственность и другія болѣе или менѣе почтенныя свойства; строило школы на извѣстное число учениковъ, которые и стогнялись туда розгами; впрочемъ, если желающихъ учиться набиралось болѣе казенной цифры, то имъ отказывалось. — Крестьяне часто, не желая посылать своихъ дѣтей учиться за нѣсколько верстъ, нанимали подставныхъ мальчиковъ, которые и посѣщали школы. Удѣльное начальство—вполнѣ удовлетворялось такимъ порядкомъ: лишь бы въ училищѣ было узаконенное число воспитанниковъ, а тамъ—хоть трава не расти! Правда, крестьяне этихъ волостей и до сихъ поръ хорошо дисциплинированы, но, къ счастью, это насажденіе сѣмянъ удѣльнаго благоустройства ограничилось незначительною частію губерніи, остальное населеніе которой из-

бѣгло и „сгонной“ грамотности, и исходившихъ отъ старой земской полиціи добродѣтелей! *)

Дома въ селеніяхъ, по крайней мѣрѣ, вдоль по почтовому тракту, выведены въ два этажа и построены, благодаря обилію лѣса, на широкую ногу. Верхнія свѣтлицы, во многихъ селахъ, хорошо отштукатурены, а полъ въ нихъ окрашенъ масляной краской. Въ нихъ не рѣдкость встрѣтить и зеркало, и кое какую мебель, и картинки не суздальскаго производства. Это навѣрное—избы, принадлежащія тѣмъ крестьянамъ, которые, вслѣдствіе родной своей безкормицы, привыкли искать работы въ петербургскихъ биржевыхъ артеляхъ, сплошь состоящихъ изъ архангелогородцевъ. Нижнія свѣтлицы представляютъ обыкновенную картину будничнаго, сельскаго обихода. Здѣсь живутъ, умираютъ, плодятся и множатся, оставляя верхи для разнаго рода парадныхъ и праздничныхъ случаевъ. Необыкновенная опрятность здѣшнихъ крестьянъ поразить, прежде всего, туриста, привыкшаго къ крестьянской грязи и неряшеству. Эту чистоту архангелогородцы всюду вносятъ съ собою. Такъ, еще Сперанскій, осматривая Сибирь, замѣтилъ, что „ростъ и опрятность въ жизни барабинскихъ крестьянъ произошли отъ архангелогородцевъ, первыхъ здѣшнихъ промышленниковъ“.

Здѣсь меня поразила еще особенность чисто мѣстная: мужчины въ деревняхъ встрѣчались весьма рѣдко. Они или уходятъ на отхожіе промыслы въ самые отдаленные уголки Россіи, или промышляютъ звѣря въ лѣсу, въ морѣ, или ловятъ рыбу по рѣчному и морскимъ побережьямъ. Женщины, оставаясь одни, пахутъ землю, косятъ, жнутъ. Онѣ же справляютъ натуральную земскую повинность, напр., ѣздить, въ качествѣ ямщиковъ, по почтовому тракту, а прежде бывало весьма часто, что бойкая бабенка наряжалась вмѣсто конвоя, для препровожденія трехъ или четырехъ арестантовъ, причемъ случаи побѣговъ были весьма рѣдки.

*) Свѣдѣнія эти официально заявлены архангельской администраціей.

Въ первомъ же селѣ, гдѣ мнѣ привелось остановиться, я узналъ и обратную сторону медали. Нельзя было купить ни хлѣба, потому что его мало было и для мѣстнаго потребленія, ни яицъ, ни масла; о говядинѣ и говорить нечего. Принесли было мнѣ соленую треску, которою питается здѣсь народъ, но, вѣроятно, вслѣдствіе непривычки, одинъ запахъ этой милой рыбы чуть не выгналъ меня изъ комнаты. Въ тотъ же вечеръ я имѣлъ возможность видѣть—какъ ѣсть зажиточная архангельская семья. На столъ поставили крынку съ солеными волнухами (грибы), холодную соленую треску, молоко и хлѣбъ изъ ячменя или жита, который вкусенъ до тѣхъ поръ, пока онъ горячъ. Ячмень въ Архангельской губерніи вообще сѣется предпочтительнѣй передъ рожью, потому что онъ лучше выноситъ и суровость климата, и перемѣны погоды, и холодные, сѣверные вѣтры. До чего дорожатъ здѣсь хлѣбомъ, видно изъ того, что въ деревнѣ Сельцы мнѣ едва уступили за 20 к. небольшую ковригу, фунта въ три. Къ обѣду богатые крестьяне къ поименованнымъ уже предметамъ прибавляютъ толокенную кашу, т. е., разваренную въ водѣ овсянную муку съ масломъ, остальные—морошку. Собственно питательностію здѣсь отличается одна треска, которой въ губерніи потребляется до 400,000 пудовъ. Эта рыба (*hadus morrhua*) тотъ же хлѣбъ для сѣвера. Мѣста ея лова, на языкѣ кемскихъ промышленниковъ, такъ и называются—нивами. Вонючая, соленая, она, по обилію азотистыхъ веществъ, оказывается необыкновенно полезной для поддержанія въ организмѣ животной теплоты. Ее ѣдятъ холодной, горячей, нѣкоторые же (это уже антропофаги) пожираютъ сырою. Треску запекаютъ въ тѣсто, готовятъ съ масломъ, картофелемъ и яйцами. Короче, это продуктъ, безъ котораго не обходится ни одинъ обѣдъ сѣвера, начиная съ крупныхъ купцовъ и важныхъ архангельскихъ чиновниковъ и кончая бѣднѣйшими рабочими. Еще недавно, по цѣнѣ своей, она была доступна для всѣхъ. Фунтъ ея стоилъ 1½ коп. Теперь эта цифра поднялась до 3 коп. и небогатые мѣщане замѣняютъ ее другими рыбами того же трескового